

ВРЕМЯ САМОИДЕНТИЧНОСТИ*

А.А. МЁДОВА

Принцип тождества является абсолютным законом сознания; он утверждает, что то, что мы мыслим, мыслится тогда, когда мы его мыслим. ... Он выражает неколебимую уверенность сознания в себе самом.

А. Бергсон.

Опыт о непосредственных данных сознания.

Идентичность, тождество субъекта, самоидентичность – эти термины отражают важнейшее свойство сознания. Многочисленные рекламные слоганы призывают современного человека: «будь собой», «оставайся собой», конечно, посредством приобретения того или иного товара. Следовательно, для человека даже на самом поверхностном уровне его бытия, в обыденной жизни значимо быть именно собой, а не кем-то другим.

Самоидентичность всегда представляла интерес для философов, психологов, социологов и представителей когнитивных наук. Медицина и психиатрия исследуют случаи ее нарушения, причем речь идет не только о раздвоении личности. Судя по данным нейрофизиологии, самоидентичность может нарушаться на всех уровнях ее построения, вплоть до телесного, а ведь тождественность тела – это последний аргумент в юридическом установлении тождества личности. Тем не менее, Рональд Мелзак описывает случаи, когда больные с поврежденной теменной долей одного из мозговых полушарий распознают свои конечности как чужие, не пытаются ими двигать и даже сбрасывают с больничной кровати¹.

Ни одно исследование сознания не обходит вниманием эту загадочную первичную самоидентичность. Осознание себя собой происходит не через какое-то свидетельство, не при помощи посредника и не соотносясь с еще какой-то идеей самого себя. Мы имеем прямой контакт с собой, хотя природа этого контакта по сей день вызывает

---

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности «Теория модальности: модальный анализ сознания», грант № 13-13-24003.

вопросы. И временная организация сознания напрямую задействована в этом сохранении себя как себя.

Время и идентичность понимаются нами как модусы сознания, модус же определяется как инобытие, форма существования, «то, что существует в другом и представляется через это другое»². Задача этой статьи — описать время как модус самоидентичности, или наоборот, описать самоидентичность как модус времени. Это означает: выявить их тождество, показав, что самоидентичность есть не что иное, как темпоральные отношения в сознании.

Что такое субъективная идентичность?

Категория «идентичность» в социально-гуманитарных науках — психологии, социальной философии, культурной антропологии, социальной психологии и других — указывает на индивиды и группы в качестве относительно устойчивых, тождественных самим себе целостностей³.

Согласно разным подходам, идентичность сознания являет собой или какой-то особый тип субъектности (Я-образ, самость), или некую реально бытующую субстанциальную сущность («стержень личности», «ядерная идентичность»), или же знаниевый конструкт, форму знания и предикации о сущностях: вещественных, ментально-психических, знаково-символических, объектных и процессных⁴. У понятия «самоидентичность» есть и чисто логический смысл тождества объекта самому себе.

Идентичность также часто связывают с фиксацией некоей формы различимости и регулярности бытия и, в рамках этой фиксации, с *установлением тождественности вещи (внутренних содержаний) эталону, модели, норме, образу* или, как мы уже сказали, самому себе. Поль Рикёр, уделивший пристальное внимание идентичности, выделил целый спектр ее модусов — нарративный, трансисторический, темпоральный, когнитивный, модус самореференции, модус телесности.

В современной научной литературе активно описываются формы социальной, гендерной, национальной, религиозной идентичности, в особенности в связи с процессами глобализации, формирования мультикультуры и статуса сексуальных меньшинств. Мы же обратимся к феноменологическому плану так называемой *персональной идентичности*, связанной с тождеством личности и самоидентификацией сознания. Эта идентичность сознания проявляется в интуитивной фиксации его единства независимо от временных процессов, как и в способности никогда не утрачивать осведомленность о том, что случившееся произошло или происходит именно с носителем данного сознания.

Модусы самождественности

Самождественность может реализовываться в разных модальностях, например, в модусах *idem* и *ipse*, описанных в работе П. Рикёра «Я-сам как другой».

Idem — это некая логическая структура, в рамках которой можно утверждать, что этот человек или предмет — *тот же самый*, что был год назад, вчера, тот, кто совершил некое действие и т.п. Этот тип идентичности (Дерек Парфит называет его *numerical identity*, нумерической идентичностью⁵) конституирован временем, поскольку в первую очередь здесь подразумевается неизменность во времени, и лишь на втором плане — идентичность в смысле «тот же самый, а не другой» в рамках пары «тождественный — различный».

Данного типа самождественность, описанная логическим языком, выглядит следующим образом: личность P_1 в момент времени t_1 является той же самой, что и личность P_2 в момент времени t_2 если только если $K(P_1(t_1), P_2(t_2))$, где K — некоторый критерий диахронического тождества личностей P_1 и P_2 во времени⁶.

П.Ф. Стросон в книге «Индивиды» вводит понятие базисных партикулярностей, к которым относит тело и личность. Согласно Стросону, любая идентификация возможна лишь через пространственно-временную ориентацию. основополагающая тождественность сознания — это в конечном счете тождественность пространственно-временных рамок⁷. Эта установка Стросона находится в пределах понимания идентичности как «того же самого».

Idem фиксирует достаточно сложный момент: мы на протяжении жизни считаем, что остаемся теми же самыми людьми, даже если меняли имя, внешность, пол, гражданство и т.д. Человек определяется как тот же самый, поскольку на фоне изменений что-то в нем все же остается неизменным, даже если это только имя или внутренние органы. Но об однозначной неизменности уместно говорить лишь в плане физическом (то же тело) или юридическом (тот же гражданин), все остальные аспекты достаточно спорны. Да и с телом все не так однозначно. Ингарден утверждал, что свидетельство идентичности личности, основанное на параметрах сознания и памяти столь же неубедительно, сколь и идентичность, основанная на совпадении тела⁸. Как известно, клеточный состав тела обновляется. Тем более при изменении пола, пластических операциях или пересадке органов логически неправомерно утверждать, что это то же самое тело. Вопрос опять-таки остается на том же месте — есть ли в теле физические части, неизменные во времени? Если да, то по ним и будет установлена идентичность (отпечатки пальцев, строение зубов). Однако мы понимаем, насколько условна эта неизменность. Открытия последних

лет, связанные с клонированием, также предоставляют хороший материал для размышлений в данном направлении.

Другой тип идентичности, выделяемый Рикёром — это идентичность *ipse* (*самость*, *ipse dixit* — «сам сказал», в терминологии Парфита *qualitative identity*, качественная идентичность). *Ipse* связана с неким личностным ядром, сущностью. Она подразумевает, что у человека есть набор ментальных качеств, по которым можно его идентифицировать и которые опять-таки не должны меняться во времени. Для образования этой идентичности принципиально, что в нее диалектически включается другость, т.е. Я распознает себя через Другого⁹. Если *idem* идентичность структурного порядка, то *ipse* — качественного. В ее сферу вовлекаются воление, мотивации, способность нести ответственность, распознавать себя как субъекта своих поступков. Идентичность *ipse* скорее коррелирует с концептом Я. Поль Рикёр полагал, что истинная проблема соотношения между двумя этими типами идентичности становится явной только при рассмотрении сквозь призму *постоянства во времени*¹⁰. Действительно, «задним планом» или «изнанкой» этих типов идентичности является темпоральность.

Постановка проблемы: как возможна самоидентичность во времени?

Налицо временной характер самоидентичности личности и сопутствующие этому проблемы. Не случайно Поль Рикёр ставит вопрос ребром: подразумевает ли самость Я форму постоянства во времени, несводимую к детерминации неким субстратом? Или, иначе: можно ли связать постоянство личности во времени с вопросом «кто?», несводимым к какому бы то ни было вопросу «что?»¹¹ Речь идет об устранении материальных, или субстратных основ самождественности. Первый, самый очевидный вопрос: даже если отбросить аспект телесности, что же можно считать неизменным в самом сознании? Трудности начинаются сразу же; ответ на этот вопрос подразумевает уяснение того, что вообще мы берем за «материал» сознания.

Можно сказать, что в философии эта проблема явным образом не ставилась. Считается, что сознание наполнено чем-то психическим, ментальным, в целом, духовным, и наполнение это определенным образом организовано — структурно, иерархически, энергетически (как у Фрейда), топологически и т.п. На другом полюсе находится версия когнитивных наук относительно нейронных процессов в мозгу, которые понимаются как ткань сознания.

Психология накопила больший, нежели философия, опыт размышлений по этому поводу. История психологии представляет собой направленный поиск первичных *единиц анализа психического*. На

разных этапах развития научно-психологической мысли в качестве единиц анализа предлагались «ассоциация», «ощущение», «функция», «гештальт», «рефлекс», «реакция», «действие», «установка», «схема», «архетип», «значащее переживание», «смысл» и т.д. Однако и в психологии нет единой версии относительно «материала» сознания.

Неопределенность первичного ментального элемента влечет за собой невозможность устанавливать его предикаты и говорить об их устойчивости и сохранности. Но положение о том, что самоидентичность фундирована неизменностью содержаний сознания (личности, психики) во времени, проблематично не только по этой причине. Сомнительна сама возможность неизменности сознания.

Яркий образец такого скепсиса — буддийское учение, трактующее сознание как поток дхарм (аллегория пламени светильника). Буддизм отвергает какую-либо неизменность содержаний сознания. Критерием идентичности личности является, по сути, только идентичность ее тела в данном воплощении, причем, будучи иллюзорным, тело конструируется сознаниями воспринимающих его людей. Буддизм смотрит на личность только как на имя, призванное обозначить структурно упорядоченную комбинацию пяти групп несубстанциальных и мгновенных элементарных психофизических состояний, т.е. дхарм¹².

Дискурс Анри Бергсона в некоторых моментах также очень напоминает буддийский. Французский философ постулирует непрерывную изменчивость сознания, постоянное его становление. Если у сознания и личности нет постоянной опоры, каким образом они могут быть самождественны? Однако сама изменчивость у Бергсона и есть эта основа идентичности, *сама изменчивость субстанциальна. Взаимодействие прошлого, настоящего и будущего обеспечивает единство сознания, организует взаимопроникновение состояний и слов сознания*¹³. Это взаимодействие следует понимать как стабильный элемент сознания.

Напрашивается развитие этой мысли: измерения времени и есть состояния, или слои сознания, ведь время качественно. В контексте учения Бергсона такая идея вполне закономерна. Он предостерегал от соблазна заменить чисто качественное живое Я на Я количественное, перенести нерасчленимое единство сознания в сферу раздельности, «заменить внутреннее проникновение психических состояний и их чисто качественную множественность числовым множеством различных, рядоположенных и выраженных в словах элементов». Если мы это сделаем, то вместо внутренней жизни, уникальной в каждом своем проявлении и несоизмеримой с языком, получим «искусственно составленное “я” и простые психические состояния, способные соединяться и расчлениваться, подобно буквам алфавита, из которых мы образуем слова»¹⁴. *Время связано с нерасчленимостью*; если мы понимаем время как ткань сознания, мы полагаем сознание нерасчленимым.

В проблему изменчивости вовлечена и другая проблема. Время зачастую представляется как некий объективный процесс, в который вовлечены ментальные содержания. Но что, если время конструируется нашим сознанием? Что, если время — это структура или форма распознавания феноменальных содержаний? С одной стороны, человек постоянно чувствует себя самим собой благодаря устойчивости своей специфической природы, благодаря *чувству длящегося бытия* — это выражение Романа Ингардена, понимавшего время как своеобразное трансцендентальное единство апперцепции. Однако в глубине сознания укоренено ощущение независимости от времени. Человек видит время со стороны, он может изъять себя из него — время «как бы стекает по мне и оставляет меня не задетым»¹⁵.

Итак, постоянная изменчивость, непрекращающееся чувство длительности, взаимопроникновение прошлого, настоящего и будущего, нерасчленимость, захваченность-высвобожденность из потока времени — все эти формы феноменологической данности времени имеют отношение к самоидентичности, поскольку последняя в том или ином виде подразумевает стабильность, устойчивость, неизменность содержаний сознания.

Самотождественность и чистое «теперь»

Согласно Хажисмелю Тхагапсову, категория «идентичность» не абсолютна в том смысле, что она не простирается на все проявления бытия (как в случае категорий «время», «пространство», «качество», «количество») — она соотносится лишь с такими формами структурной организации и регулярности бытия, которые содержат момент неопределенности и спонтанной изменчивости. Это еще раз подтверждает, что временная природа сознания сопричастна его самоидентичности.

Есть все основания предполагать, что время имеет принципиальную связь с самоидентичностью, вплоть до тождественности ей. Однако это не избавляет нас от темпоральных апорий самотождественности. Время, если исходить из его чистого феноменального опыта, не может обеспечить идентичность сознания ни в связности его содержаний, ни в автокоммуникации. Так выглядит эта проблема, если мы принимаем за «сознание как таковое» то самое загадочное «теперь» сознания, его вечное настоящее. Ведь «теперь» как будто не имеет никакого отношения к длительности, оно дискретно — не случайно употребителен термин «теперь-точка».

Тенденция понимать мгновенность настоящего как неделимую точку свойственна в большей мере философии, нежели психологии. Последняя мыслит «субъективный момент» как интервал, эмпирически выводимый из способности дифференцирующего восприятия

или так называемой частоты слияния. Так, С.Л. Рубинштейн в середине прошлого века определял психологическое настоящее как 1/18 долю секунды, причем во всех модальностях восприятия; сигналы большей частоты для человека сливаются в одно целое¹⁶. К концу XX столетия картина изменилась. Ф. Варела определяет величину минимального зрительного кадра восприятия как 0,1 секунды¹⁷; согласно П. Фреске, человек в состоянии различить 1000 дискретных звуковых сигналов в секунду (0,001 доля секунды) и 4000 механических вибраций (0,004 доля секунды для тактильных ощущений)¹⁸. Выражаясь фигурально, философское настоящее можно сравнить с точкой окружности с прямой или колеса с дорогой, психологическое же настоящее подобно шагу.

Однако тончайшие метрические градации восприятия не играют существенной роли в рамках нашей проблемы. Для нас важнее факт дискретности — последующее мгновение как будто не истекает из предыдущего, ничего не берет у него. «Длительность не влияет на осуществляемый мгновением контакт с бытием»¹⁹; эта идея звучит в философии со времен Августина. Кроме Левинаса, в XX в. ее декларировали Г. Рупнелль и Г. Башляр: «Время — это реальность, сжатая в мгновение и висящая между двумя пропастями небытия... Оно не в состоянии продлить свое бытие от одного мгновения к другому, чтобы составить длительность»²⁰. И все же настоящее мгновение есть подлинная полнота бытия, возникающая ниоткуда и не наследуемая из прошлого. В связи с этой ситуацией традиционно вспоминают христианское учение о вечно возобновляющемся творящем усилии Господа, благодаря которому мир продолжает существовать.

Отсюда следует, что временность в модусе чистого настоящего должна не скреплять сознание, а, напротив, разъединять его. У чистых теперь-точек нет преемственности, чистое трансцендентальное Я должно бы было быть постоянно заново возникающим в настоящем. С одной стороны, мы лишены ощущения течения времени, с другой — время есть постоянное возобновление того же самого. Какая же может быть самоидентичность у сознания, в котором все происходит «каждый раз заново», если под самоидентичностью понимается устойчивость или *преемственность во времени*?

М. Мамардашвили в «Кантианских вариациях» говорил, что больше всего у Канта его поразило и стало потом важным пунктом в его собственной онтологии мышления как раз это «всякий раз заново»²¹. В мире Канта ничего не из чего не вытекает. «Сейчас» приходит ниоткуда, у него нет причины, оно создает себя из ничего. Левинас отмечал, что благодаря настоящему бытие никогда не наследуется, но всегда завоевывается в упорной борьбе. Но это «сейчас» есть не что иное, как ткань сознания; сознание его продуцирует или, наоборот, в нем воплощается. То же и с характером человека — он всякий раз

заново должен его иметь. Неверно говорят об устойчивых чертах личности — есть либо инерция, либо усилие постоянного возобновления своих принципов. Временность сознания принципиально связана с этим эффектом «всякий раз» и с событийностью. Таким образом, Я и мгновение — две самовозобновляющихся формы уникальности, два модуса одного и того же события сознания.

Время идентичности: уникальность, диахрония, самоотношение

Как уже стало ясно, идентичность не просто подразумевает временное измерение, она невозможна без него. Любая идентичность есть *идентичность во времени*. В первом приближении самоидентичность сознания предстает как неизменность внутренних содержаний, установок, состояний и физического тела, как память и идентификация себя с этими неизменными состояниями. При более пристальном рассмотрении идентичность выглядит как уникальность и «устойчивое» самоотношение. Но начинается дискурс идентичности именно с проблемы неизменности. Изменения же — это признак времени, не случайно оно зачастую и определяется как движение и изменение материи.

В связи с этим есть концепции, в которых время и идентичность находятся в отношениях взаимно однозначного соответствия и напрямую выводятся друг из друга. Так, согласно теории «психологического» или «физического редукционизма» (Д. Парфит, Б. Уильямс), чувство самоидентичности основывается на воспринимаемой человеком собственной «*психологической непрерывности*» и прежде всего непрерывности памяти. Условием тождества личности выступает достаточно сильная связанность ближайших фрагментов психологического опыта, сменяющих друг друга во времени. Д. Парфит в связи с этим писал об «*overlapping chain of experience-memories*», повторяющейся и частично дублирующей цепи памяти-опыта, в которой содержания существуют параллельно и при этом повторяют друг друга, образуя своего рода «перекрытия»²². Дело здесь не столько в общей памяти, ведь, если субъект *A* помнит, что было с субъектом *B* 20 лет назад, отсюда логически не следует, что *A* и *B* один и тот же субъект. Дело в связности или возможности для субъекта *A* иметь что-то из опыта субъекта *B* 20-летней давности. Физический и психологический подходы часто объединяют под именем сложного взгляда на природу личностной идентичности. Их сближает убежденность в эмпирической выразимости *диахронического критерия самоидентичности*.

Николай Гартман, для которого время было основной характеристикой реальности, выводил из темпоральности бытия второе его фундаментальное качество: «индивидуацию», неповторимость («од-

норазовость») реального мира. «Онтологическое понятие реальности всецело зависит от единства и единственности реального времени»²³. В работе «К основоположению онтологии» (*Zur Grundlegung der Ontologie*) Гартман виртуозно развил анализ бытия в аспекте тождества — ему принадлежат идеи нетавтологического синтетического тождества, онтических границ тождества и непрерывно сдвигающегося тождества. Последнее уже по своему определению связано со временем, однако этот тип тождества иного порядка, нежели тот, что нас интересует. Он фиксирует в онтологической плоскости тождество Вот-бытия, т.е. конкретной данности вещи, и Так-бытия, т.е. бытия в модусе «как», способа данности.

Самотождественность должна быть определенным образом связана с индивидуальностью, особенной неповторимостью человека, о которой Манделштам столь удачно сказал: «Не сравнивай, живущий не сравним / С каким-то ласковым испугом». Нельзя не отметить сходство этой несравнимости и единственности с уникальностью мгновений, с феноменом «каждый раз заново». Настоящее — это вечное повторение, самовозобновление, возвращение присутствия к самому себе. Бытие человека так же отличается этой необходимостью вечного самовозобновления. Э. Левинас отмечал, что тождественность настоящего и тождественность Я имеют одну и ту же нелогическую природу, их суть — «движение отсылки к себе» или «нетрансцендентное усилие»²⁴.

Временность и идентичность в аспекте уникальности — две стороны одного явления. Пусть даже во времени возникает только подобное, но не идентичное, время есть источник различий, индивидуации и нетавтологического тождества. Самотождественность как уникальность некоторых качеств, присущих только данному сознанию сопутствует неизменности этих качеств во времени. Следовательно, сохранение-обновление, возникновение индивидуации, установление континуальной связи, и, в конечном счете, тождественно-иное, несовпадающее совпадение — все это и есть время в модусе самотождественности.

Еще один важный аспект: с феноменологической точки зрения идентичность подразумевает некое соответствие сознания самому себе, а, следовательно, автокоммуникацию, *самораспознавание сознания*. В связи с этим верным представляется определение М.А. Кукарцевой, согласно которому идентичность есть «отношение, которое каждая вещь переносит на саму себя»²⁵. Идентичность зачастую определяют не как свойство (т.е. нечто присущее индивиду изначально), но как отношение, что указывает на связь с модальной организацией. Самоидентичность или, иначе, *самосовпадение, равенство себе, самопринадлежность* есть одна из форм тождества. Таким образом, самоидентичность есть тождественное различие, т.е. отношение сознания к себе же.

Самораспознавание как время

Как было отмечено выше, кроме понимания самоидентичности как неизменности содержания сознания во времени есть и другая ее версия: самоидентичность как автокоммуникация и самораспознавание. Актуален ли здесь временной регистр?

Если человек осознает себя как многообразие в последовательности, то без времени он был бы сам для себя чем-то вроде нечленораздельного крика, его сознание *не имело бы доступа к себе*. Обоснование этого тезиса можно встретить у Канта, интерпретировавшего время как субъективное условие, необходимое для созерцания человеком мира и самого себя.

Как известно, время по Канту — это априорная форма чувственности, или, иначе, «способ располагать в душе представления». Для Канта Я не существует как таковое. То, что мы называем Я, есть только функция мышления, механизм работы сознания. Само единство самосознания мы обычно принимаем за Я. А в конституировании этого единства, т.е. в организации самовосприятия основополагающую роль играют временные синтезы — «время следует считать действительным не как объект, а как способ представлять меня самого как объект»²⁶.

Итак, кантовский субъект — это существо, обладающее способностью выстраивать временные отношения. Внутреннее созерцание самого себя прежде всего является опытом времени. Как же пребывает время внутри человека? Оно есть способ располагать нечто в душе, но и «способ, которым душа воздействует на себя своей собственной деятельностью, а именно полаганием своих представлений»²⁷.

Нужно сказать, что в таком понимании времени Кант был далеко не одинок среди своих современников. Философы школы английского эмпиризма, Беркли и Юм, разделяли идею Дж. Локка о происхождении представлений о времени. Согласно Локку, идея времени возникает из идеи последовательности, а последовательность мы наблюдаем в себе, во внутреннем чувственном опыте. «*Рефлексия* о появлении в нашем уме друг за другом различных идей и доставляет нам *идею последовательности*; а расстояние между какими бы то ни было частями этой последовательности, или между появлением каких бы то ни было двух идей в нашем уме, есть то, что мы называем *продолжительностью*. В самом деле, пока мы мыслим или воспринимаем последовательно различные идеи в уме своем, мы знаем, что мы существуем, и, таким образом, существование или продолжение нашего существования или чего-то другого соответственно с последовательностью каких бы то ни было идей в нашем уме мы называем или продолжительностью нас самих, или продолжительностью того другого, что существует одновременно с нашим мышлением»²⁸.

В этой цитате содержится своего рода вариация на декартовское «*cogito ergo sum*». «Пока я ощущаю смену идей в своем уме, а, стало быть, ощущаю некую последовательность внутри себя, я знаю, что я существую». Нетрудно усмотреть связь этих идей с механизмами самоидентичности. Таким образом, именно благодаря временности сознания мы совершаем постоянное самораспознавание, скрепляем свою самоидентичность.

Если понимать самоидентичность не как прямую, а как опосредованную, через идентификацию человеком себя относительно других людей, ценностей, реальности, то экзистенциальную концепцию времени также можно включить в число описывающих загадку самождественности. Экзистенциализм утверждает, что человек общается с собой только через сообщение с миром, следовательно, его бытие в этом мире и его сознание неразрывно связаны. У человека есть первичное сознание, которое не имеет позади себя «никакого сознания для своего осознания». Оно постигает свое собственное бытие, и здесь «быть» и «быть осознанным» — одно и то же. Это первичное сознание — сознание настоящего, ибо в настоящем, в восприятии бытие и сознание не различаются, нет разницы между «обладать сознанием» и «быть». Время для человека существует потому, что он обладает настоящим. Настоящее есть та зона, где бытие и сознание совпадают.

Синтез временного перехода тождествен разворачиванию жизни. В экзистенциальной парадигме человек не мыслит с помощью времени, а осуществляет время самой своей жизнью. Мерло-Понти, ссылаясь на Хайдеггера, говорит об одной общей особенности времени и субъективности — *Selbsterscheinung*, обнаружении себя для самого себя же, «знании о себе». Взрыв или раскрытие настоящего к будущему есть архетип отношения себя к себе и обрисовывает «некое внутреннее, или самость (*ipseité*)». «Именно благодаря времени возможно непротиворечивое существование самости, смысла и разума»²⁹.

Время Ipse

Казалось бы, аспект самоидентичности, связанный со своеобразием качеств человека, наименее темпорален. Однако на примерах характера и привычности мы сможем убедиться в обратном. Показательно, что у *характера*, если считать его формой самоидентичности, та же форма организации, что и у времени. Оба эти феномена сознания представляют собой наложение двух систем — стабильной и мобильной.

Физические теории, обходящиеся без идеи течения или движения времени «из одного пункта в другой», т.е. от начала к концу (Франсуа Жюльен именно эту установку описывает как чисто европейскую и тупиковую), часто очень близки нашему образу саморазличающегося,

самосоотнесенного времени. Так, Т. Голд полагает, что «реальный мир может быть полностью описан с помощью схемы, состоящей из линий, протянутых в четырех измерениях, где каждая частичка материи представлена некоторой линией... Мы, которые являемся частями этой схемы, имеем такое отношение к ней, что порождаем фикцию времени, которое всегда движется вперед и перемещает нас вдоль себя»³⁰. Применительно к данному пониманию, адекватна будет метафора «время протягивается сквозь нас». Иными словами, сознание принимает различные позиции, ориентирующие его во временном континууме.

Так же ведет себя и характер — он пластичен, мобилен, его содержания меняются. Но, тем не менее, он «держится» на некой ментальной оси, которая принимается за неизменную и относительно которой обращаются и идентифицируются компоненты характера. Рикёр обращает внимание на то, что характер имеет обе формы временной тождественности — постоянство во времени и не прерываемое постоянство изменений³¹. Если пристально взглянуть в суть тождественности как таковой, то и она имеет те же два плана: тождественность вещи самой себе на протяжении времени и мгновенное самосовпадение вещи с самой собой, подразумеваемое, когда мы говорим — «да, перед вами именно дикобраз», «это не что иное как...»

Анри Бергсон также отождествлял время, а точнее память, и характер: «...присмотревшись поближе, можно было бы увидеть, что наши воспоминания образуют такого же рода цепь, что и наш характер. Всегда присутствующий во всех наших решениях, он представляет собой не что иное, как актуальный синтез всех наших прошлых состояний»³². Но у Бергсона логика тождественности иная — быть собой в его интерпретации, значит актуально обладать всеми своими временами. При этом следует учесть, что Бергсон понимал время как качество, т.е. содержание. Здесь мы видим чисто темпоральную цельность, безо всякого опосредования. *Самотождественность сознания должна предполагать тождественность или, как минимум, равную актуальность, всех его временных позиций.*

Аналогичным образом самотождественность и сознание-время совпадают у Гуссерля в понятии «хабитус». Хабитус — это точка самоопределения, субъективные решения, убеждения, мысли. Пока нечто значимо для меня, пишет Гуссерль, я могу вновь к нему вернуться и нахожу его как мое, свойственное мне убеждение, и, соответственно, нахожу себя как Я, которое в чем-то убеждено. Благодаря этому хабитусу Я сохраняет свою самотождественность³³. Здесь загадка самотождественности заключена в возможности *возвращения во времени* к неким содержаниям сознания (если не брать во внимание тот факт, что актуально сознание всегда пребывает в одном и том же времени). Хабитусы, благодаря своей устойчивости, не только скрепляют

временной поток сознания, но и организуют самоидентичность личности. Они связывают Я, этот «полюс неизменных определений», с потоком переживаний, наподобие ментальных меток для самораспознавания.

Точки совпадения времени и идентичности

Каковы же основания полагать, что идентичность и временность сознания — это один и тот же феномен, наблюдаемый из разных контекстов, т.е. что это *модусы* сознания?

Рикёр определяет тождественность как понятие, выражающее отношение и отношение отношений³⁴, т.е. так же, как определяется модус³⁵. Это отношения — количественные (тот же самый в смысле единственный, не две разные вещи, а одна) и качественные (идентичность предполагает возможность замещения без семантической потери). Дискурс идентичности вновь возвращает нас к проблематике времени: время так же предстает и как количество, и качество. На протяжении нашего исследования мы не раз констатировали: *анализ самоидентичности личности разворачивается в тех же категориях и по той же логике, что и анализ первичной временности сознания*. Это может служить доказательством того, что время и идентичность — одна и та же сущность, но пребывающая в двух разных измерениях.

Мы понимали формы идентичности и формы временности как тождественные на основании совпадения принципов их организации и механизмов осуществления. Далее мы выявили актуальность временных отношений для той или иной модальности самоидентичности. В заключение мы готовы задать вопрос: действительно ли есть такой аспект самоидентичности, который не мог бы быть представлен как форма темпоральности? В следующей таблице мы соотнесли основополагающие модальности самоидентичности с их временным инобытием.

Таблица

Соответствие модальностей идентичности и темпоральности

Качество самоидентичности	Качество времени сознания
«Тот же самый»	«Чувство длящегося бытия»
Стабильность содержаний сознания	Неизменность во времени
Прямой контакт с собой	Время как форма расположения представлений и способ самовоздействия
«Я это Я», самораспознавание	Память; фиксация себя в прошлом и настоящем, проекция в будущее

Продолжение *таблицы*

Единство апперцепции	Преемственность всех актов и состояний благодаря психологической непрерывности
Уникальность	Неповторимость мгновений внутреннего времени
Характер	Возобновление принципов и содержаний сознания во времени
Хабитуальность	Актуальное обладание своими прошлыми состояниями
Выделение себя на фоне внешних объектов, «Я – Не-Я»	Ощущение «продолжительности нас самих» как очевидности существования
Соотнесенность себя с собой	Самоотношение модусов времени

Мы обратились к понятию «модус» именно для того, чтобы помыслить сознание в его нерасчленимой целостности, поскольку модусы есть формы бытия или измерения единого начала. Самоидентичность и время суть формы этой нерасчленимой целостности сознания. Неподделяемость частей сознания друг от друга в другом измерении выглядит как однородность времени.

Темпоральная самоданность сознания — это форма его идентичности. Если самоидентичность связывать с неповторимостью, единственностью сознания, т.е. понимать ее не структурно, а качественно, то индивидуальное настоящее совпадает с самоидентичностью *в модусе уникальности*. Если понимать самоидентичность как *самоданность сознания*, его рефлексивную и интроспективную доступность, то время есть организация этой доступности.

Самоочевидность фактов сознания, т.е. самоосознание, всегда «ментально», поскольку переживается в форме теперь-точек актуального настоящего. Возможно, многие помнят свой детский опыт — попытки схватить чувство, что «Я это Я»; по своему психологическому эффекту они совершенно идентичны попыткам почувствовать как идет время, чем тоже часто занимаются в детстве.

Вышеизложенные данные подтверждают выдвинутую нами гипотезу: самоидентичность для своей реализации нуждается во множестве темпоральных форм. К таковым относятся неизменность внутренних содержаний, память, диахроническое тождество личности, преемственность состояний (отсутствие разрывов в развитии, психологическая непрерывность) и, наконец, конституирование уникальности своего бытия через уникальность каждого момента дления сознания. Время в аспекте его триединства и самоидентичность есть *самосовпадение*, или *нетавтологическое саморазли-*

чающееся тождество. Таким образом, изнутри измерения самоидентичности можно увидеть, и даже более того, подробно рассмотреть, темпоральность сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Мелзак Р. Фантомные конечности // В мире науки. 1992. № 6. С. 65.
- ² Спиноза Б. Избр. произв. В 2 т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1957. С. 361.
- ³ См.: Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия. Т. 3. – М.: Мысль, 2001. С. 78 – 79.
- ⁴ См.: Тхагансоев Х. Идентичность как философская категория и мера социального бытия // Философские науки. 2011. № 1. С. 10 – 25.
- ⁵ См.: Parfit D. *Reasons and Persons*. – Oxford: Clarendon, 1984. P. 201. Примечательно, что А.Ф. Лосев называет нумерическим тождеством нечто совершенно иное – подлинное, сущностное, неразложимое единство, в котором целое равно части (см.: Лосев А.Ф. О пропозициональных функциях древнейших лексических структур // Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 246 – 279).
- ⁶ См.: Моисеев В.И. К логическому анализу проблемы тождества личности (2004). – URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0202/010a/02020119.htm>. Дата обращения 19.09.2013.
- ⁷ См.: Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2009.
- ⁸ См.: Ингарден Р. Человек и время // Книжечка о человеке. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 109.
- ⁹ См.: Рикёр П. Я-сам как другой / пер. Б.М. Скуратова под ред. И.С. Вдовиной. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. С. 18.
- ¹⁰ См. там же. С. 145
- ¹¹ См. там же. С. 148.
- ¹² См.: Торчинов Е.А. Учение о «я» и личности в классическом индийском буддизме. – URL: <http://www.domknig.net/book-992.html>. Дата обращения 12.09.2013.
- ¹³ См.: Блауберг И.И. А. Бергсон о временной организации сознания // Мир психологии. 2001. № 1. С. 54.
- ¹⁴ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. – М., 1992. С. 153.
- ¹⁵ Ингарден Р. Человек и время. С. 47.
- ¹⁶ См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. С. 306.
- ¹⁷ См.: Varela F.J. *The Specious Present. A Neurophenomenology of Time Consciousness*// *Naturalizing Phenomenology. Issues in Contemporary phenomenology and Cognitive Science*. – Stanford, 1997. P. 266 – 314.
- ¹⁸ См.: Fraisse P. *Time perception* // *Encyclopedia Britannica DeLuxe*, 2004 (CD-ROM).
- ¹⁹ Левинас Э. От существования к существующему // Левинас Э. *Избранное: Тотальность и Бесконечное*. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 48.
- ²⁰ Башляр Г. Интуиция мгновения // Башляр Г. *Избранное. Поэтика грезы*. – М.: РОССПЭН, 2009. С. 188.
- ²¹ См.: Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. – М.: Аграф, 2002. С. 34, 39.
- ²² См.: Parfit D. *Reasons and Persons*. P. 205.

- ²³ Гартман Н. К основоположению онтологии. – СПб.: Наука, 2003. С. 394.
- ²⁴ См.: Левинас Э. От существования к существующему. С. 50.
- ²⁵ Кукарцева М.А. Идентичность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, 2009. С. 265 – 266.
- ²⁶ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. 1787 // Kant's Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußlichen Akademie der Wissenschaften. Bd. 3. – Berlin: G.Reimer, 1911. S. 62.
- ²⁷ Ibid. S.70.
- ²⁸ Локк Дж. Соч. В 3 т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. – М.: Мысль, 1985. С. 232.
- ²⁹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента; Наука, 1999. С. 538.
- ³⁰ Gold T. Cosmic Processes and the Nature of Time // Mind and Cosmos. Essays in contemporary Science and Philosophy. – Pittsburgh, 1966. P. 329.
- ³¹ См.: Рикёр П. Я-сам как другой. С. 152.
- ³² Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. С. 251.
- ³³ См.: Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб.: Наука, 2001. С. 147.
- ³⁴ См.: Рикёр П. Я-сам как другой. С. 145.
- ³⁵ См.: А.В. Нечаев выделяет три основных способа определения модальности: через ее семантику (как вид или способ бытия); через перечисление видов бытия; как отношение чего-либо к реальности (см.: Нечаев А.В. Модальность одиночества // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 5/1. С. 14).

Аннотация

Статья посвящена временным аспектам самоидентичности. Время и самоидентичность понимаются как модусы сознания, т.е. как инобытие друг друга. Цель статьи – описание самоидентичности сознания в форме временных отношений. Обосновывается совпадение феноменологического времени и самоидентичности на уровне принципов их организации. Анализ выполнен на основании положений феноменологической, трансцендентальной и экзистенциальной философии, данных экспериментальной психологии и физиологии.

Ключевые слова: сознание, идентичность персональная, время, модус, модальность.

Summary

The article is devoted to the time aspects of self-identity. Time and self-identity are understood as a moduses of consciousness, i.e. as another kind of being of each other. The purpose of the article is the description of self-identity in the form of time relations. In such a way we prove the coincidence of the time and self-identity at the level of principles of their organization. The analysis is performed in the basis of ideas of phenomenology, existentialism and data of experimental psychology and physiology.

Keywords: consciousness, personal identity, time, modus, modality.